

М.М. Зощенко (1894 - 1958)

Автор и рассказчик в произведениях Зощенко.

Особенность сказовой манеры.

Один из лучших сатириков XX века - Михаил Зощенко - своим творчеством стремился переделать нравы, исправить людские недостатки, и создал свой, совершенно неповторимый художественный стиль.

Зощенко начинал литературную деятельность в журналах и газете - писал фельетоны, очерки, обзоры, здесь учился наблюдать, оценивать, слушать, а потом кратко и смешно передавать сцены из жизни. Наиболее известные его фельетонов - «Аристократка», «Баня», «История болезни», «Нервные люди», «Галоша», «Монтёр».

Свои замечательные литературные произведения (их свыше тысячи) Зощенко всегда писал, основываясь на реальных событиях. Именно поэтому они производят впечатление достоверных историй, случившихся в определенное время в определенном месте. Этому помогают такие авторские приемы, как особая авторская позиция, слияние автора и рассказчика в повествовании.

Тем не менее *рассказчик и автор* у Зощенко - не одно и то же лицо.

Рассказчик - это участник произведения, которое пишется и о нем тоже, простой человек.

Автор же - не простой человек, он стоит **над** происходящим, он знает больше. Но автор не проявляет себя открыто, он отделяет себя от рассказчика и героев, подчёркивает дистанцию, и делает это для того, чтобы читатель сам сделал выводы...

Присутствие автора можно узнать по тому, как он рассказывает о событиях. Например, самые ужасные и невыносимые ситуации кажутся героям совершенно нормальными. В рассказе «Нервные люди» действующие лица дрались на кухне за ёжик для чистки примусов - и убили ветерана Первой мировой войны. Этот из ряда вон выходящий случай воспринимается героями как обычная ежедневная ситуация. Сам рассказчик тоже не видит в этом ничего необычного, он занят своими делами. Но автор видит и показывает нам...

Сказовая манера Зощенко - внешне простая и доступная. Автор пишет свои рассказы от первого лица, то есть рассказчик как бы разговаривает с нами. Автор нигде не прерывает его, дает ему высказаться. Рассказчик в произведениях Зощенко играет различные роли. Во-первых, он является посредником между читателем и автором, где он просто пересказывает события, в которых сам принимал участие или о которых слышал (так ведет себя рассказчик в произведении «Аристократка»). Во-вторых, рассказчик может повествовать о том, что когда-то пережил...

Зощенко сумел сделать **сказ** очень ёмким и художественно выразительным. Герой-рассказчик только говорит, и автор не усложняет структуру произведения дополнительными описаниями тембра его голоса, его манеры держаться, деталей его поведения. Однако посредством **сказовой** манеры отчетливо передаются и жест героя, и оттенок голоса, и его психологическое состояние, и отношение автора к рассказываемому. То, чего другие писатели добивались введением дополнительных художественных деталей, Зощенко достиг манерой **сказа** - краткой, предельно сжатой фразой и в то же время полным отсутствием "сухости".

Герой Зощенко, от имени которого ведётся повествование - мещанин, обыватель, человек с убогой моралью и примитивным взглядом на жизнь. Этот обыватель олицетворял собой целый человеческий пласт тогдашней России. Но писатель высмеивал не самого человека, а обывательские черты в нём. Зощенко как бы срезал различные социально-культурные пласты, добиваясь до тех слоев, где гнездятся истоки равнодушия, бескультурия, пошлости.

Но у Зощенко злость не на первом плане. Она между блестящими строками, описывающими страшную бытовую ситуацию - драку за ёжик для чистки примусов («Нервные люди»). Он смотрит на драку глазами человека, для которого это нормальный, естественный эпизод повседневной жизни. И то, что есть такие люди, для Зощенко так же страшно, как и то, что встречаются такие сюжеты. Приём, которым пользуется Зощенко, - абсурд. Смешным

делается то, над чем смеяться не стоит. А когда то, над чем смеяться не стоит, делается смешным, - это уже страшно.

Есть несколько типов персонажей, которые вызывают у Зощенко резкое неприятие и страдание. Революция не оказала на их психологию и сознание положительного влияния, но персонажи пытаются приспособиться к новым условиям, освоить язык лозунгов и газет, совершенно им непонятный. Так получается «галантерейный язык» - смешение всех стилей и языков всех слоёв. Автор высмеивает узость и клишировку сознания мещанина и обывателя, инвентаризацию человека...

Зощенко блестяще владеет русским языком, он может передать речь любого персонажа. У него каждый персонаж говорит *своим* языком - так, как говорят в жизни, а не так, как их заставляет автор. Так он предоставил «народной массе» заговорить непосредственно от своего имени. Это был неизвестный литературе, а потому не имевший своего правописания язык. Он был груб, неуклюж, бестолков. Для речи характерны вульгаризмы, неправильные грамматические формы и синтаксические конструкции, каламбуры, ляпсусы. Автор сумел перенять даже интонацию речи у народа, выражения, обороты.

В его языке запросто можно встретить такие выражения, как "плитуар", "окромя", "хресь", "етот", "в ём", "брунеточка", "вkapалась", "для скусу", "хучь плачь", "эта пудель", "животная бессловесная", "у плите" и т.д. А чего стоит только выражение «Аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место»! Даму герой называет «этакая фря», себя сравнивает с «буржум нерезаным». По мере развития действия, герой уже не стесняется в выражениях: он велит даме положить пирожное «к чертовой матери», а хозяин, по словам Григория Ивановича, «перед рожей кулаками крутит». Рассказчик дает собственное толкование некоторым словам. Так, например, держаться индифферентно - значит, «ваньку валять» (смысл слова не важен, важно, что звучит красиво!). Точно так же он употребляет слово «идеология»: «В театре она и развернула свою идеологию во всем объеме». Дама напыщенно говорит иноязычными словами - «мерси». Герой также убежден в том, что его речь не только правильна, но даже изысканна.

Отчасти именно этим Зощенко добивался комического эффекта и небывалой популярности среди обычных людей.

Однако, комичен не только язык Зощенко, но и место, где разворачивалась история очередного рассказа: кухня, баня, рынок, трамвай - всё такое знакомое, своё, житейски привычное. И сама история: драка в коммунальной квартире из-за дефицитного ёжика; ерунда с бумажными номерками в бане; случай в трамвае, когда пассажира выпроводил из транспорта его же племянник-кондуктор за нежелание платить. Автор как будто бы стоит за спиной человека...

Ещё одна, важная особенность фельетонов Зощенко - это несоответствие названий и финалов. Название - «Аристократка», но аристократки нет; или - «Баня», но бани нет. Повести строятся как система поступков персонажей, в них отсутствует внешний психологизм. Но в каждой истории раскрывается психологическая бездна. Зощенко использует приёмы гротеска, позволяющие сочетать комические элементы с драматическими и трагическими.

Так в фельетоне «Аристократка» главный герой - тип маленького советского человека, который не обладает культурным багажом, но стремится стать полноправным участником жизни. Григорий Иванович рассказывает - чем закончилось его увлечение аристократкой. Ирония автора заключается уже в самом названии рассказа, поскольку поведение героини на самом деле расходится с подлинными понятиями об аристократизме. Для героя признаки аристократизма - это «шляпка, чулочки фильдекосовые, мопсик, зуб золотой». Между тем, наделенная всем этим, его подруга демонстрирует отнюдь не аристократические манеры. Напрямую говорит она водопроводчику о своем нежелании продолжать ходить по улицам. Напоминая герою, что он «кавалер и у власти», «аристократка» требует у него соответствующих «его положению» развлечений. И совсем не как воспитанный и культурный человек, принадлежащий к аристократии, она говорит в финале рассказа Григорию Ивановичу: «Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег - не ездят с дамами».

Вызывают смех и ухаживания героя за понравившейся ему дамой: он приходит к ней «как лицо официальное» и интересуется «в смысле порчи водопровода и уборной». Через месяц таких хождений дама стала более подробно отвечать кавалеру на вопросы о состоянии санузла. Герой выглядит жалким; он совершенно не умеет вести разговор с объектом своего интереса. И даже, когда они, наконец, стали под руку гулять по улицам, он испытывает чувство неловкости оттого, что не знает, о чем говорить, и оттого, что на них смотрит народ: «Приму ее под руку и волочусь, что шука». А, попав в театр, он интересуется, действует ли там водопровод, желая тем самым подчеркнуть собственную значимость.

Не случайно действие рассказа происходит в театре. Театр считается символом духовной культуры, которой так не хватало в обществе. Поэтому театр здесь выступает как фон, на котором бескультурье, невежественность, невоспитанность людей выступают наиболее ярко.

По утверждению литературоведа В.М. Акимова, театр для обоих героев - «как темный лес». Григорий Иванович идет в театр только потому, что в ячейке ему выдали билет. Место герою досталось незавидное. Он не скрывает, что спектакль не вызывает у него ничего, кроме скуки. Аристократку же в театре, видимо, особенно привлекает буфет, ибо именно туда она направляется с началом антракта...

Герой решает угостить даму пирожным, а поскольку денег у него «в обрез», то он подчеркнуто предлагает ей «скушать одно пирожное». Рассказчик свое поведение во время сцены с пирожными объясняет «буржуйской стыдливостью» из-за отсутствия денег. Эта самая «буржуйская стыдливость» мешает кавалеру признаться даме в том, что он стеснен в средствах, и герой старается всячески отвлечь спутницу от разорительного для его кармана поедания пирожных. Это ему не удается, ситуация становится критической, и герой, презрев свои былые намерения выглядеть культурным человеком, заставляет даму положить назад четвертое пирожное, за которое он заплатить не может: «Ложи, - говорю, - взад!», «Ложи, - говорю, - к чёртовой матери!» Комически выглядит и ситуация, когда собравшийся народ, «эксперты», оценивают четвертое пирожное, спорят - «сделан на нем надкус» или нет. Не видя в своем поступке ничего предосудительного, водопроводчик предлагает даме скушать четвертое пирожное, из-за которого, собственно, и поднялась буря. Но поступок героя мотивирован только лишь тем, что пирожное оплачено...

Григорий Иванович отнюдь не винит себя в случившейся истории, он списывает свою неудачу в делах любовных на разницу в социальном происхождении со своим предметом увлечения. Он винит во всем «аристократку», с ее «аристократическим» поведением в театре. Он не признает того, что пытался быть культурным человеком; считает, что пытался вести себя в отношении с дамой как «буржуй нерезанный», а на самом деле он - «пролетариат».

Благодаря этому фельетону в русской разговорной речи слово «аристократка» стало употребляться с новым, ироническим оттенком - в значении «мещанка».

Составлено по материалам Интернета:

<https://studfiles.net/preview/2680999/> http://lithelper.com/p_Avtor_i_rasskazchik_v_proizvedeniyah_M_M_Zoshenko

АРИСТОКРАТКА

Григорий Иванович шумно вздохнул, вытер подбородок рукавом и начал рассказывать:

- Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках. Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на ней фильдекосовые, или мопсик у ней на руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место.

А в своё время я, конечно, увлекался одной аристократкой. Гулял с ней и в театр водил. В театре-то всё и вышло. В театре она и развернула свою идеологию во всём объёме.

А встретился я с ней во дворе дома. На собрании. Гляжу, стоит этакая фря. Чулочки на ней, зуб золочёный.

- Откуда, - говорю, - ты, гражданка? Из какого номера?

- Я, - говорит, - из седьмого.

- Пожалуйста, - говорю, - живите.

И сразу как-то она мне ужасно понравилась. Зачастил я к ней. В седьмой номер. Бывало, приду, как лицо официальное. Дескать, как у вас, гражданка, в смысле порчи водопровода и уборной? Действует?

- Да, - отвечает, - действует.

И сама кутается в байковый платок, и ни мур-мур больше. Только глазами стриждёт. И зуб во рте блестит. Походил я к ней месяц - привыкла. Стала подробней отвечать. Дескать, действует водопровод, спасибо вам, Григорий Иванович.

Дальше - больше, стали мы с ней по улицам гулять. Выйдем на улицу, а она велит себя под руку принять. Приму её под руку и волочусь, что щука. И чего сказать - не знаю, и перед народом совестно.

Ну, а раз она мне и говорит:

- Что вы, - говорит, - меня всё по улицам водите? Аж голова закрутилась. Вы бы, - говорит, - как кавалер и у власти, сводили бы меня, например, в театр.

- Можно, - говорю.

И как раз на другой день прислала комячейка билеты в оперу. Один билет я получил, а другой мне Васька-слесарь пожертвовал. На билеты я не посмотрел, а они разные. Который мой - внизу сидеть, а который Васькин - аж на самой галерке.

Вот мы и пошли. Сели в театр. Она села на мой билет, я - на Васькин. Сижу на верхотурье и ни хрена не вижу. А ежели нагнуться через барьер, то её вижу. Хотя плохо. Поскучал я, поскучал, вниз сошёл. Гляжу - антракт. А она в антракте ходит.

- Здравствуйте, - говорю.

- Здравствуйте.

- Интересно, - говорю, - действует ли тут водопровод?

- Не знаю, - говорит.

И сама в буфет. Я за ней. Ходит она по буфету и на стойку смотрит. А на стойке блюдо. На блюде пирожные. А я таким гусем, этаким буржуем нерезанным вьюсь вокруг её и предлагаю:

- Ежели, - говорю, - вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу.

- Мерси, - говорит. И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом, и жрёт.

А денег у меня - кот наплакал. Самое большое, что на три пирожных. Она кушает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег - с гулькин нос.

Съела она с кремом, цоп другое. Я аж крикнул. И молчу. Взяла меня этакая буржуйская стыдливость. Дескать, кавалер, а не при деньгах. Я хожу вокруг неё, что петух, а она хохочет и на комплименты напрашивается. Я говорю:

- Не пора ли нам в театр сесть? Звонили, может быть.

А она говорит:

- Нет. - И берёт третье...

Я говорю:

- Натощак - не много ли? Может вытошнить.

А она:

- Нет, - говорит, - мы привыкшие. - И берёт четвертое...

Тут ударила мне кровь в голову.

- Ложи, - говорю, - взад!

А она испугалась. Открыла рот, а во рте зуб блестит.

А мне будто попала вожжа под хвост. Всё равно, думаю, теперь с ней не гулять.

- Ложи, - говорю, - к чёртовой матери!

Положила она назад. А я говорю хозяйину:

- Сколько с нас за скушанные три пирожные?

А хозяин держится индифферентно - ваньку валяет.

- С вас, - говорит, - за скушанные четыре штуки столько-то.

- Как, - говорю, - за четыре?! Когда четвертое в блюде находится.

- Нету, - отвечает, - хотя оно и в блюде находится, но надкус на ём сделан и пальцем смято.

- Как, - говорю, - надкус, помилуйте! Это ваши смешные фантазии.

А хозяин держится индифферентно - перед рожей руками крутит. Ну, народ, конечно, собрался. Эксперты. Одни говорят - надкус сделан, другие - нету. А я вывернул карманы - всякое, конечно, барахло на пол вывалилось, - народ хохочет. А мне не смешно. Я деньги считаю.

Сосчитал деньги - в обрез за четыре штуки. Зря, мать честная, спорил. Заплатил. Обращаюсь к даме:

- Докушайте, - говорю, - гражданка. Заплачено.

А дама не двигается. И конфузится докушивать. А тут какой-то дядя ввязался.

- Давай, - говорит, - я докушаю.

И докушал, сволоочь. За мои-то деньги.

Сели мы в театр. Досмотрели оперу. И домой.

А у дома она мне и говорит своим буржуйским тоном:

- Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег - не ездят с дамами.

А я говорю:

- Не в деньгах, гражданка, счастье. Извините за выражение.

Так мы с ней и разошлись.

Не нравятся мне аристократки.

